



VIII

...Как всегда мрачно бабушка сообщает, что пойдет за костями, а я должен остаться с братом.

— Закрой дверь и никого не пускай.

— Хорошо.

И она уходит в ларек к «Красной Розе»; простояв там часа четыре, она принесет целую сумку костей, сварит из них суп и сделает холодец.

Вот бы бабушка Зинаида приехала! Та уж наготовила бы из костей и «Упование артиста», и «Утро беловшвейки», но самое вкусное — суп «Наполеон»! И делает она все быстро и как-то шутя, и поет и рассказывает мне и про Париж, и про Лондон, и про войну с турками, где она была с дедушкой...

Но больше всего я люблю рассказы про Рим! Вот бы там побывать! Когда она рассказывает, то достает старые журналы и все показывает; и где она стояла, и где бабушка ей что сказал, и потом куда они пошли или на чем поехали! — и про то, как там звонят колокола, и про площадь, которая не только площадь, но и в то же время солнечные часы, и про карнавал, и про музей Гарибальди, и про карабинеров в треугольниках, а потом рассказывает про Пиноккио. А как всё весело делает, и пол вымоет смеясь, и окна протрет, и в магазин сбегает — а ведь ей уже столько лет! А эта... Кошмар! Любое дело делает насупясь. Ворча. Нас ругает все время. Молчит по целым дням. А если вдруг начнет рассказывать, то все это будет про кандалы, да про каторгу, да про Александровский централ!

А бабушка Зинаида и Штрауса видела, и Шаляпина, и Чехова, а когда начнет про Горького рассказывать, то никогда не расскажет до конца — всегда расхохочется и прекратит, сказав: «Далее — не для тебя!»

— О чем ты думаешь? — это опять брат. Впрочем, он мне нужен. Больше двух месяцев прошло, как меня излупили, но то одно, то другое — и к тренировкам по битью я так и не приступил. А сегодня меня уже ждет Славик.

— Знаешь, мне надо тренироваться.

— Ты будешь спортсмен?

— Ну... вроде. А ты будешь мне помогать.

— А как? — Брат даже подпрыгивает от нетерпения.

Да! Пока ему что-то объяснишь... Словом, результатом нашего торга с ним было следующее: он лупит меня каждый день на кухне, когда Дуся на работе, а я «поддаюсь». За это

после какого-то количества «луплений» — а какого, это решу я — он получает от меня опять котенка «уже в последний раз» и «делает из него медведя». Но по условиям торга этот котенок должен быть, во-первых, коричневый, во-вторых, очень большой, чтобы медведь из него «легче вышел», и, в-третьих, с хриплым голосом. И битье тоже, конечно, должно быть настоящее. И, обо всем договорившись, мы расходимся по своим местам, но вскоре брат, повздыхав, сообщает:

— Я написал пьесу!

— Какую?

— Про Пушкина, конечно.

— Прочти.

— Ну... пока готово только начало.

— Ну, пусть начало.

— Начало такое: ясное зимнее утро, кабинет Пушкина, он сидит, стук в дверь. «Кто там?» — «Это я, Бенкендорф». — «Входите». Бенкендорф входит. «Здравствуйтесь, товарищ Александр Сергеевич!» — «Здравствуйтесь, товарищ Бенкендорф. Как поживает царь?» (В сторону: «Уу! Враг народа!») Ну как? — Брат смотрит на меня.

— Сила! И это все?

— По пьесе — да. Но я еще придумал кроссворд.

— Ну?

— Дыра в стене.

— Ничего не понимаю!

— Дыра в стене... Что это такое?

— Дыра и есть.

— Нет. Это — окно. Нравится?

— Вот это действительно здорово!

— Я так и знал, что хоть что-то у меня выйдет, — произносит он со вздохом.

...Я сплю, и снится мне сон, что все как-то уладилось, и что все хорошо, и что все мы вместе, и мама опять работает, а отец рисует картины и водит меня в театры, и даже бабушка Варвара Ивановна начала улыбаться... Но разбудил меня телефонный звонок. И это было так неожиданно, что я очень испугался и, открыв глаза, сел и уставился на телефон. Так и есть. Звонит. И брат испугался. Дело в том, что, когда это все случилось, телефон перестал звонить, замолчал. Всю осень молчал. Мама часто поднимала трубку и слушала: исправен ли он? Но он был исправен... И вот теперь он зазвонил.

Брат хлопает глазами, и видно, что вот-вот он заревет. Я хотел дать ему по затылку, но раздумал, так как теперь он мне нужен для луплений. Я подошел к столу, снял трубку и сразу



обрадовался, так как услышал хрипловатый, знакомый и любимый голос бабушки Зинаиды! Она спросила, дома ли мы и все ли у нас в порядке, на что я ответил, что у нас все в порядке и мы дома, а она сказала, что звонит с вокзала и скоро приедет, но ближе к вечеру, так как ей надо получить багаж.

— Кто это? — спросил брат.

— Бабушка Зинаида.

— Вот хорошо! Наконец-то у нас будет весело!

— Будет! А теперь ты сиди, и если позвонит телефон, то не подходи и дверей не открывай.

— А ты куда?

— Я к Славику.

— На тренировку?

— Да, — ответил я и, накинув курточку, вышел на площадку, закрыл дверь и ощупью стал спускаться в подвал, потому что назначенное время уже наступило.

